

Проблемы церковной работы с молодежью

Петр (Мещерин), игум.

Для целей нашего доклада, то есть чёткого обозначения проблем, условно разделим молодёжь на три группы: 1) нецерковная молодёжь, 2) тянущаяся к Церкви и 3) молодёжь воцерковлённая.

I.

Самая большая группа – это нецерковная молодёжь. Можно много говорить о характеристиках этой группы, но вот, на мой взгляд, одна из важнейших. Газета "Трибуна" от 12 января сего года, статья "Дети сексуальной революции". Вот несколько выдержек из этой статьи.

"Что думают о ранних сексуальных отношениях современные тинэйджеры? Выяснить это я отправилась в обычную школу на северо-западе столицы. Прочитав вопросы составленной мною анкеты ("Как вы относитесь к раннему началу половой жизни? Допускаете ли такую возможность для себя? Какой возраст считаете для этого оптимальным? Какие причины толкают ваших ровесников на подобный эксперимент?"), 9 "А" разразился гомерическим хохотом.

- А сами-то как думаете? – пророкотал басок с задних рядов. – Даю подсказку: XXI век у нас щас.

Смущенной выглядит только учительница. Через пятнадцать минут ответы лежат передо мной в виде аккуратной стопки из 19 белых листков. Не одобряют раннее начало половой жизни только трое опрошенных. Остальные горячо "за". Оптимальным возрастом для начала сексуальных отношений абсолютное большинство назвали 14-16 лет. И сразу признали: для них это более чем возможно...

Мое появление в 11 "Б" подобного всплеска эмоций не вызвало. Отвечать на вопросы ребята уселись с миной усталой обреченности. И вот передо мной новая пачка листков. Оказалось, здесь полностью разделяют мнение девятиклассников...

- Вот почему все думают, что у нас только секс на уме? – не выдерживает, наконец, полненькая блондинка с галерки. – Дело-то житейское. Циклиться на этом надо меньше – и все.

- И предохраняться больше, – поддерживает ее соседка".

А вот разговор на ночной дискотеке:

"- Быть девственницей как-то позорно, – просвещает меня 15-летняя Галя. – 17 лет – и парни просто шарaxаться начинают. Считают: раз не было никого, дефектная значит. Порченная.

- А родители что думают по этому поводу? – интересуюсь я.

- А кто их спрашивает? – отвечают подростки.

- Мне маманя только одно твердит, – это Коля – ему 16 лет. – "Чтоб не было детей. Жениться по-любому не разрешу". Так я и сам не стану!"

Далее газета приводит статистику: более 60% (это только те, кто открыто сообщил об этом) опрошенных подростков начали свою сексуальную жизнь до 18 лет.

Помимо отмеченного мною, я считаю, самого существенного, фактора молодёжной жизни, нужно назвать ещё и компьютерную зависимость, и курение, и раннее употребление спиртных напитков, и специфическую субкультуру. Всё это ставит перед нами вопрос: как Церкви работать с такой молодёжной средой?

Боюсь, что никто этого не знает. С сожалением должен констатировать: **у Церкви совершенно нет ресурсов для работы с нецерковной молодёжью.** В самом деле: вот мы оказались в таком вот 9 "А" классе. Что мы будем говорить, как общаться? Мы возлагаем надежду на ОПК; но этой надежде не суждено осуществиться по двум причинам.

Во-первых, сегодняшний курс ОПК главным своим содержанием имеет Великую Россию, патриотизм и антизападную идеологическую обработку учащихся. Я сейчас готовил статью, напечатанную в последнем номере "Церковного Вестника", и просмотрел массу учебников по ОПК. Так вот, учебники, соответствующие подростковому возрасту, почти не содержат нравственных тем, тем более там не обсуждаются вопросы целомудрия; там всё в основном про то, какие мы великие и прекрасные.

Во-вторых. Допустим всё же, что в курсе ОПК много, доходчиво и убедительно говорится о нравственности (хотя, повторю, там этого нет, но предположим). Возьмёт ли действие такой разговор в условиях молодёжной субкультуры? Приведу пример. Я по образованию и интересам академический музыкант, и мне бы хотелось, чтобы мои соотечественники знали и любили классическую музыку. Но с самого рождения дети, а потом и взрослые, слушают вовсе не классику, она не присутствует в нашей жизни. Из телевизора, из всех радиостанций, в магазине, в кабинете врача, в маршрутке, в кабинетах в присутственных местах, во всех кафе и забегаловках, в автомобилях, в домах звучит попса, в крайнем случае – рок. На этом примитивном звуковом фоне формируются и воспитываются вкусы людей. Для того, чтобы человек воспринимал классическую музыку, нужно в семье с детства приучать его к ней, то есть затрачивать специальные усилия, и то результат будет отнюдь не массовый. То же самое и с нашей темой. Представьте, мы придём к обычным старшеклассникам и будем их заставлять слушать, скажем, последние квартеты Бетховена или симфонии Брукнера. Они будут с отвращением терпеть, если это будет обязательный урок, но любовь к классике в них вряд ли появится. Ровно также и с ОПК. На этих занятиях будет им говориться одно, а жизнь, их среда, которой они живут, будет диктовать им противоположное; и формировать их на нравственном уровне будет именно среда, а не уроки ОПК. Менять среду – но это глобальный общественный вопрос, выходящий за рамки нашей темы. Очевидно, что на это у Церкви сегодня тем более нет никаких ресурсов.

II.

Вторая группа – это молодёжь, тянущаяся к Церкви; в подавляющем большинстве это студенты. Здесь главным является их вхождение в Церковь. Но опыт показывает: за вхождением очень нередко следует исхождение из неё. В чём причины такого положения вещей? Я считаю, **в вопиющих проблемах сегодняшней катехизации.** Если молодой человек открывает для себя живого Христа и Церковь как союз с Ним, как жизнь во Христе – он в Церкви остаётся. Но оказывается, что это очень трудно, потому что сегодняшняя

церковная жизнь чаще всего "явочным порядком" предлагает иную, и весьма своеобразную, катехизацию. Она основывается на четырёх "столпах": традиционализм и национализм; ностальгический монархизм; внешняя дисциплинарность; кликушество разного рода. Поясню по пунктам, что я имею в виду.

1) Побуждением для вхождения в Церковь чаще всего представляется то, что "мы русские – значит, православные". Церковь с этой точки зрения является неотъемлемой принадлежностью национального менталитета, хранительницей государственных и общественных традиций, и проч., и проч. и проч. Совершенно очевидно, что в рамках такого представления Христос, то есть – суть Церкви – стоит не на главном, центральном и исключительном месте, а где-то сбоку, как некий фактор существования Великой России. Молодой человек, пришедший в Церковь к Богу, обнаруживает, что на самом деле Христос и Его заповеди церковным людям не особо-то и нужен, а нужны им совершенно другие вещи... отчего часто происходит разочарование в Православии, и молодёжь из Церкви уходит.

2) Хотя и не официально, но по настроениям церковной среды от православного христианина требуется, чтобы он непременно разделял монархические взгляды. Многие православные прямо-таки жаждут царя. Само по себе такое желание, может быть, и имеет право на существование (если, конечно, оно не переходит рамки здравого смысла); но вся беда в том, что оно преподносится вступающим в Церковь людям как нечто чуть ли не обязательное, догматическое для них. С этим связана необыкновенная ностальгия по прошлому. Мы всё время ходим "затылками вперёд"; вся наша жизнь – в прошлом; даже когда мы говорим или думаем о будущем, мы хотим, чтобы в будущее вернулось прошлое. Помимо того, что это совершенно нереалистическая мечтательность (от которой, кстати, мы в ежедневных молитвах просим Бога нас избавить), это полагает нам препятствие к адекватному евангельскому осмыслению современности. Для молодёжи это достаточно болезненно. Придя в Церковь как к хранительнице Евангельской истины, думая обрести в ней трезвый и правильный взгляд на мир, молодые люди с разочарованием убеждаются, что большинство православных находятся в какой-то виртуальной реальности, которую они вдобавок довольно агрессивно навязывают людям. Нежелание входить в этот нереальный мир заставляет людей покидать Церковь. К сожалению, современная катехизация не уделяет этим вопросам (я назвал бы их "проблемой адекватности") должного внимания.

3). Приходящему в Церковь человеку прививается неверная самоидентификация, в результате которой причины и следствия меняются местами. То есть: мы православные потому, что мы постимся, ходим в храм, вычитываем положенные каноны перед Причастием, и т.п. Но вовсе не потому, что мы обрели Христа в сердцах наших, стали Церковью, то есть телом Христовым, и с помощью Духа Святого исполняем Христовы заповеди. Безусловно, дисциплина важна и нужна, но лишь как средство, помогающее нашей жизни во Христе. Следовательно, катехизация должна начинаться с Евангелия, а потом уже, по мере сил каждого, евангельская жизнь должна ограждаться опытом Церкви, выраженным в тех или иных дисциплинарных нормах. У нас всё наоборот: Евангелие у нас вовсе не на первом месте. Вместо него мы нагружаем человека обязательной дисциплиной, вменяем ему в грех малейшее отступление от неё и убеждаем, что через исполнение формы он обретёт Христа. Но так происходит редко, и поэтому многие молодые люди, попробовав жить дисциплинарной жизнью, и убедившись, что она не принесла ожидаемого плода, из Церкви уходят.

4). Наконец, то, что я назвал "кликушеством". В церковной жизни для многих православных главное – не евангельская нравственность, не жизнь со Христом, а нечто совсем иное:

старцы, апокалиптика, дивеевские предания и прочее, то, что Апостол Павел называл "бабьими баснями"; не буду подробно на этом останавливаться. Современная катехизация не расставляет акценты как должно, в результате чего немало людей оказываются в церковной среде перед выбором: или отринуть свою социально-культурную "нормальность", или уйти из Церкви. В молодежной среде это довольно остро ощущается.

Из сказанного ясно, какие принципы работы с приходящей в Церковь молодёжью должны быть. Первое – это Христоцентричность; нужно объяснять и проповедовать, что единственная цель и задача Церкви – жизнь во Христе посредством участия в Таинствах, поучения в Священном Писании, молитвы и исполнения евангельских заповедей. Всё остальное – имеет второстепенное значение.

Во-вторых, нужно обязательно отстранить церковное от патриотического, державного и проч. Должен здесь подчеркнуть, что я вовсе не выступаю против патриотизма, а указываю на недопустимость *религиозного отношения* к патриотизму, которое столь распространено у нас сейчас. Для Церкви вопросы политические являются внешними, Церковь – совсем о другом: о жизни во Христе. В наших условиях, когда национальное поработщает и подчиняет себе церковное, обязательно нужно проводить разделение этих вещей, чтобы не происходило подмены.

В-третьих, необходимо озаботиться созданием молодежной церковной среды, которая жила бы не на запретах, а на всестороннем творческом развитии личности. Главным здесь является ненавязчивое, формируемое именно в процессе общения, воспитание евангельской нравственности. При этом внешняя церковная дисциплина, при всей её важности, должна восприниматься не как цель церковной жизни, но всего лишь как средство, применяемое постольку, поскольку это способствует именно усвоению евангельской нравственности.

Теперь – вопрос: какие для этого есть ресурсы у Церкви? По моему мнению – очень малые. И здесь дело не только в нежелании большинства пастырей "возиться" с молодёжью, и не в отсутствии финансирования (хотя и это – очень существенные отрицательные факторы). Главное – это именно проблемы катехизации, о которых я сказал. Их можно решить, лишь перестроившись самим; но многие православные, в том числе и пастыри, и катехизаторы, стоят именно на националистических, монархических, внешне-дисциплинарных и кликушеских позициях, именно так воспринимают Церковь Христову. Пока это положение не изменится, подобное мировоззрение будет транслироваться и на приходящую в Церковь молодёжь – из чего, на мой взгляд, ничего хорошего не выйдет.

III.

Теперь несколько слов о молодёжи уже церковной. Проблема заключается в том, что ей, в общем-то, нечем себя занять. Это вещь известная, и я не буду сейчас подробно говорить об этом, а предложу свой взгляд на место молодёжи в Церкви.

Молодёжь – это главный миссионерский потенциал Церкви. Эта миссия заключается не в поездках куда-то на край земли. Вращаясь в своей среде, то есть в студенческой, отчасти школьной, церковная молодёжь может нести в эту среду свет Евангелия, и хотя бы частично решать те проблемы, которые затронуты мною в начале доклада. Но это возможно при определённых условиях, главное из которых следующее.

Предположим, что среднестатистический представитель церковной молодёжи начнёт беседу в нецерковной среде. Если он будет воспитан на тех началах катехизации, о которых я сказал, то есть: будет говорить о православном христианстве только как о Святой Руси, о царе, о постах, о дивеевской канавке, об окунании в источник на Крещение, и т.п. – такая проповедь не принесёт успеха, а вызовет ощущение неадекватности этого молодого человека. Говорить всё же желательно о Христе, о Евангелии, о христианской нравственности и духовности, то есть о подлинной церковной традиции прежде всего; но как это делать? С чего начать? И с чего начать нам, воспитывающим внутри Церкви молодёжь, воодушевлённую миссионерским горением?

Я считаю, **начинать нужно с воспитания оценки окружающей действительности с точки зрения Евангелия, а не какой бы то ни было идеологии.** Сегодняшняя общественная жизнь развивается отнюдь не в положительную сторону. Набирает силу ксенофобия, "поиски врагов", у людей нет гражданской позиции, в обществе развивается моральное и культурное разложение; Церковь присутствует в жизни людей поверхностно, обрядово, отнюдь не нравственно – всё это нужно начать, наконец, оценивать с точки зрения исключительно Евангелия. Пример. Вопиющие случаи дедовщины в армии – случаи не единичные, но регулярные, системные. Нужно дать им оценку – сказать: это грех; нужно говорить об этом, высказывать христианский взгляд на вещи – ничего этого и в помине у нас нет. Мы, исходя из ложно понятого патриотизма, будем говорить, наоборот, что – не дадим шельмовать нашу армию, это всё либеральные СМИ раздувают, а на самом деле всё прекрасно, и т.п., – то есть мы демонстрируем не евангельскую, но идеологическую позицию, идём на поводу беззакония, а в результате теряем авторитет Церкви. И так далее, я думаю, из многих сфер жизни нашего общества можно приводить подобные примеры. Так вот, если начать говорить с людьми с евангельских позиций – люди будут обращаться к Церкви, увидев в ней правду. Если это будет делать молодёжь в своей среде – это миссионерское усилие не пропадёт, но обязательно начнёт приносить плоды.

Всё дело сейчас в нас, воспитателях молодёжи. Если мы прививаем младшему церковному поколению восприятие Церкви как национализма и ура-патриотизма, а нормальное слово о чём бы то ни было клеймим как "модернизм" и "либерализм" – очень трудно молодому человеку воспитаться в Церкви нормальным христианином с настоящим, подлинным церковным сознанием, а тем более передавать такое сознание другим. Итак, главная задача – воспитать такое сознание в себе и в молодёжи, другими словами – **воспитывать евангельскую правду.** И опять вопрос: есть ли у Церкви сегодня ресурс для этого? На мой взгляд – увы, нет; и пока мы не "набьём шишек" на идеологизации Церкви, пока Господь не попустит что-нибудь для нашего вразумления, положение не изменится: "пока гром не грянет – мужик не перекрестится". Но, во всяком случае, я считаю, необходимо озвучивать эти проблемы, думать над ними и обсуждать их, что я и предлагаю уважаемой аудитории.

Благодарю за внимание.